

СТАТЬИ

М. Я. СЮЗУМОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИИ И ЗАПАДА

Всякий переход к новым формам общественной жизни представляет собой сочетание деструктивных и конструктивных мероприятий. Встает проблема, от каких элементов старого строя следует отказаться и что сохранить для развития нового общества, т. е. возникает теоретико-методологический вопрос о преемственности в историческом процессе. В. И. Ленин дважды обращался к этой проблеме: первый раз в 90-х годах прошлого века, когда в среде русской интеллигенции велись споры, связанные с переходом России к капитализму, второй раз — когда перед страной стояла задача построения социалистического общества.

В статье «От какого наследства мы отказываемся», написанной в 1897 г., В. И. Ленин резко выступил против обвинений, будто русские ученики Маркса «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» и что они (ученики) порвали с лучшими традициями передовой части русского общества и «прервали демократические нити»¹. В. И. Ленин писал, что «ученики» нисколько не отказываются от наследия западных и русских просветителей, но выступают против признания капиталистического строя упадком, отказываются от веры в самобытность русского экономического строя вообще, от идеализации крестьянской общины, от подкрашивания деревни и «кустоев». Народники, замечал В. И. Ленин, «по всем важным вопросам сочиняли всякие самобытные глупости, тогда как «ученики» никогда не накидывались на наследство, завещавшее европейские идеалы»². Однако хранить наследство, по В. И. Ленину, означало, не ограничиваться им, а развивать его на основе изучения противоречий уходящего с исторической сцены данного общества.

В первые годы строительства социализма В. И. Ленин решительно выступал против тенденции прямолинейного отрицания всего того, что было в старом обществе. Тенденцию отвергать всякую преемственность он назвал «детской болезнью левизны»³. В. И. Ленин подчеркивал, что коммунизм может быть построен только на прочном фундаменте человеческих знаний, завоеванных при капитализме. В частности, касаясь вопроса о старой школе, он отмечал: «Мы должны различать, что является из того, что было в старой школе, необходимым для коммунизма»⁴.

История представляет собой единый процесс развития человеческой культуры, когда достижения прошлого переходят к новым поколениям, иногда через эпохи упадка, неравномерного развития, когда отстающие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 508 и 544.

² Там же, стр. 544.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 303.

страны воспринимают опыт передовых. Ф. Энгельс писал о «великой исторической связи, без установления которой история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций»⁵. Все это общеизвестно и понятно, когда мы говорим о современности. Но когда речь идет о далеком прошлом, зачастую на первый план выдвигаются теории спонтанного, самобытного развития, а порою не признается даже последовательность прогрессивного чередования социально-экономических формаций.

Чем обусловлены подъем, а затем упадок Византии и ее гибель? Эта проблема интересовала еще Монтескье, Лебо и Гиббона, но до сего времени нельзя считать, что мы в состоянии ответить на вопрос: почему же, когда и в чем Византия отстала от Запада? В историографии есть тенденция строить выводы, так сказать, *ex eventu*: если в конечном счете прогрессивный, капиталистический строй развивался не в недрах Византийской империи, а на Западе, если не в Византии, а именно в Западной Европе XIV—XV вв. появляются важные научные открытия, то классическим следует признать западный феодализм. Таким образом, для перехода к феодализму закономерными и необходимыми оказываются этнические изменения вплоть до геноцида, и уничтожение Римского государства, разрушение городов, замена римского права варварскими Правдами, уничтожение централизации, упадок культуры. Институты же, специфические для Византии, обстановка, существовавшая там в переходное время, порою признаются причиной отставания, а в дальнейшем и гибели Византии: централизация, бюрократия, устойчивость правовых отношений, недостаточно быстрое развитие феодальных институтов западного («классического») типа.

Конечно, в основе подобного вывода лежит методологически и логически неправомочный прием: исходная обстановка принимается за конечную причину, специфика — за закономерность, несмотря на то, что на протяжении почти 800 лет обстановка и в Византии и на Западе изменилась. Как известно, под влиянием различных факторов при одном и том же способе производства одни общества могли быстрее двигаться вперед, другие отставать. Конкретные явления закономерного процесса находятся не в прямой функциональной зависимости от конечной причины, но только в корреляционной. Факторы самого различного порядка оказывают порою совершенно противоположное влияние, даже вопреки конечной причине, но тем не менее в общем статистически корреляционная связь несомненна.

В чем же специфическая особенность общественного строя Византии по сравнению с Западом? В первую очередь надо сказать о централизации государственного управления, развитием бюрократическом аппарате. В историографии высказывается мнение, будто централизация в Византии породила общественное безразличие к судьбам империи, безразличие моральное и гражданское. Априори принимается за аксиому, что при феодальном способе производства не должно быть ни централизации, ни бюрократии. Но так ли это? Безусловно, феодальная иерархия была необходима для господства над трудящимися при слабости или отсутствии центральной власти, но это — специфика так называемого «германского способа производства». К. Маркс употреблял этот термин, нужно думать, не имея в виду феодальной формации в целом. Он хотел лишь подчеркнуть, что иерархическая структура общества является отличительной особенностью развития германцев; тем более, что при жизни К. Маркса внутренняя история Византии и других стран, кроме Западной Европы, была еще мало исследована.

Действительно ли феодальному способу производства обязательно присуща феодальная иерархия? Для ответа на этот вопрос вернемся к

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21, стр. 287—288.

ленинскому определению преемственности. Из него вытекает, что при создании нового общества нужно учитывать три момента: 1) проводить деструктивные акции, т. е. разрушать все, что мешает рождению нового строя, и вести борьбу с пережитками, характерными для отживающего общества; 2) использовать достижения человечества, существовавшие при старом строе; 3) проводить конструктивные мероприятия по устройству нового общества. В эпоху перехода от античного мира к средневековью было совершенно неясно, что нужно ломать, что сохранять и в чем состояло то новое, которое шло на смену старому. «Сила вещей» (δύναμις τῶν πραγμάτων) и обстановка разрешали эти проблемы стихийно, беспланово, повинувшись создавшимся новым условиям — как социально-экономическим, так и внешнеполитическим.

Но историки должны разобраться в первую очередь, что можно считать пережитками, которые нужно было тогда преодолеть для перехода к новому, прогрессивному строю. Обычно полагают, что основным пережитком являлось рабство и все институты рабовладельческого общества. Но при этом совершенно упускают из виду те архистаринные пережитки, которые принесли с собой варвары: трибализм, семейно-родовые связи, препятствовавшие развитию товарного обращения, примитивные формы суда (котелок и файда), архаическую психику (война считалась почетным промыслом). Без преодоления, с одной стороны, господства в производственных отношениях рабства, с другой стороны — варварской дикости нельзя было построить феодализм как прогрессивный по сравнению с рабовладельческим общественный строй.

Как же обстояло дело с преодолением пережитков старого общественного строя в Византии? Основной пережиток — рабство, на наш взгляд, уже к концу ранневизантийского периода, т. е. к VI в., был в основном пройденным этапом. Рабство сделалось нерентабельным уже с того момента, когда после *Constitutio Antoniana* стала широко предлагаться, как более дешевая, свободная рабочая сила. Применение труда рабов в производстве, характерное для античности, было в основном изжито. Но раб использовался в политических целях: обилие рабов в домах знати придавало ей общественный вес; рабы, кроме того, ценились и использовались для личных услуг. Однако римское право сохранило в своих установлениях этот институт полностью: в дальнейшем, при формировании феодального строя, некоторые особенности института рабства оказали воздействие на складывание наиболее тяжелых форм зависимости. Рабство и все с ним связанные тенденции (вместо положений *do ut des, do ut facias* — пользоваться правом *dominium*) адаптировались и были очень устойчивым пережитком в период феодализма. Но все же рабство в Византии настолько уже оказалось преодоленным, особенно в сельском хозяйстве, что некоторые остатки его не могли препятствовать развитию феодализма.

Можно ли централизацию считать пережитком, препятствующим развитию феодализма? Ведь и на Западе по мере дальнейшего развития феодализма усиливалась борьба против феодальной раздробленности, причем народные массы поддерживали централизаторскую политику королей (как, например, в XII в. во Франции). Что же касается бюрократического аппарата, признаваемого основным пороком римского общества, который якобы тормозил прогресс, то нужно сказать, что историки зачастую находятся под впечатлением источников, полных жалоб на чиновников, которые нарушали законность, занимались взяточничеством и произвольными поборами. Однако сущность бюрократического государственного аппарата и состоит в том, что чиновник должен исполнять предписания и законы, но при этом, пусть хотя бы и в идеале, на каждого чиновника можно приносить жалобу за незаконное действие — вплоть до императора. А на кого и кому можно было жаловаться крепостному крестьянину *jure primae noctis*, кроме господ бога. А на произвол

ордалий, «Божьего суда» даже и богу нельзя было жаловаться! Бюрократия при всех ее недостатках была все-таки в известном смысле прогрессивней, чем патриархальный локальный произвол. Разветвленный бюрократический аппарат, упорядоченная система налогового обложения — все это вполне заменяло феодальную иерархию в такой стране, как Византия, где государство извлекало централизованно, через налоговую систему прибавочный продукт. Что бюрократия не препятствовала развитию феодального способа производства, свидетельствует политика средневековых монархий Западной Европы, где уже в XII в. предпринимались попытки возродить бюрократический аппарат. Система бюрократического управления являлась не пережитком, а крупным достижением позднеантичного мира, необходимым для дальнейшего развития средневекового общества.

Можно ли пережитком считать римское право, которое для развития феодализма будто бы следовало заменить варварскими Пrawdами? Во-первых, римское право нельзя назвать правом рабовладельческого общества — выдающиеся юристы III в. уже считали рабство противоестественным институтом. Это — право переходного периода. Во-вторых, на Западе в продолжение всего средневековья шла борьба элементов римского права (иногда в форме канонического) против ордалий и кутюмов; университеты Запада уже в XI в. изучали все тонкости *Corpus Juris Civilis*. Римское право в условиях классового общества — не пережиток, а крупнейшее достижение позднеантичного строя.

В связи с великим переселением народов и варварскими завоеваниями порядки родо-племенного общества создавали сложный комплекс пережитков, которые на Западе приходилось изживать в течение многих столетий. Укрепившаяся роль семейно-родственных связей создавала на местах устойчивость общественных отношений. В Византии же варвары не смогли захватить власть, и архистаринные пережитки их родо-племенного строя, которые властно действовали на Западе, не имели особого влияния в империи. В Западной Европе эти пережитки, столкнувшись с великой цивилизацией позднеантичного мира, не скоро были преодолены, что привело к тому, что Запад на много столетий отстал в своем развитии от Византии.

Но может возникнуть вопрос, следует ли эти старинные институты считать пережитками, если исторически из них якобы развивались все феодальные институты средневековья? Разумеется, пережитки нелегко изживаются, тем более что в процессе закономерного развития некоторые пережиточные институты так или иначе адаптируются при построении нового общества. Это касается родо-племенной общины, принципов «верности» и фиды, и поединка, вошедшего в виде дуэли в понятие «дворянской чести», а также почетности войны и признания трудовой деятельности «неблагородной» для знатного человека. Но это не значит, что именно из таких пережитков развился феодализм.

При наличии развивавшихся элементов феодальных отношений в позднеримском обществе весь процесс феодализации на Западе заключался не в развитии этих пережитков, а в преодолении их или адаптации.

Если же говорить о влиянии пережитков, то наибольшее воздействие на институты феодального общества оказали не родо-племенные связи, а именно рабство, хотя оно и приспособлялось к новым условиям. Запад оказался во власти пережитков как рабовладельческого, так и дорабовладельческого обществ.

Что же касается античной культуры, то ее достижения неисчислимы как в сфере науки, литературы и искусства, так и в области ремесла, строительного дела, мореплавания, а особенно — в области права. К тому же античный мир сам порождал экономические основы для перехода к феодальному строю — и фактически Кодексы Феодосия и Юстиниана по-

ложили начало оформлению юридического статуса феодально-зависимого населения в деревне и свободных ремесленников в городе.

При характеристике феодальной формации следует помнить, что она — более прогрессивна, чем рабовладельческая. Нельзя ограничиться противопоставлением одного строя другому, простой констатацией того, что в рабовладельческом обществе средства производства и объекты труда в основном принадлежали рабовладельцу, тогда как в феодальном обществе они обычно находились в личной собственности трудящегося, а объекты приложения труда или находились во владении, или передавались для хозяйствования непосредственному производителю; при этом прибавочный продукт переходил собственнику объектов приложения труда. На наш взгляд, для определения прогрессивности того или иного общественного строя необходимо учитывать развитие культуры в целом, те достижения прошлого, которые сделали возможным переход к новому обществу, т. е. наличие преемственности. Трудно представить, чтобы общественный строй, описанный Григорием Турским или Раулем Глабером, был более прогрессивным, чем строй, знакомый нам хотя бы по письмам Плиния или по речам Либания. Позднеантичные традиции сохранились на Западе VI—IX вв. в технике сельского хозяйства и отчасти в репештах ремесла и в денежном обращении. Мы не можем считать общественный строй раннесредневекового Запада прогрессивным лишь до времени расцвета городов. Это был провал, гигантский скачок назад. «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад,— говорил В. И. Ленин,— недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁶.

Остановимся на третьей, главной конструктивной задаче того времени — построении нового. Для людей средневековья рождение элементов нового общества (колонат, новые формы сеньориальной эксплуатации, частная власть, основанная на крупном замлевлании, изменение роли рабов), естественно, не могло быть осознанным процессом. Господствующие классы стремились извлекать максимум пользы для себя и вводили новшества прежде всего потому, что видели в них выгоду. Правительство Позднеримской империи экономическими и социальными мероприятиями старалось сохранить господствующие социальные отношения, и его нововведения имели целью лишь укрепление старого.

В то же время народные массы стремились к новому, да и верхушка понимала, что оставлять все по-прежнему невозможно,— нужно было «новое». Стихийные протесты против существующего проявлялись раньше всего среди трудящихся масс. В. И. Ленин говорил о революционной инициативе масс, о том, что не было в истории такого движения, которое бы не начиналось со стихийных, неорганизованных взрывов. Но это движение было направлено не только против рабства. Народные массы недовольны были другим. Мы знаем, как быстро развивалась античная цивилизация, каких вершин достигла наука, доступная меньшинству, как возводились новые города с театрами, водопроводами, как быстро увеличивалась интеллигенция и росло число праздных сторонников Эпикура, как разрасталась торговля и усиливалась роскошь господствующих классов. И все это осуществлялось за счет труда народных масс. Темпы развития цивилизации не соответствовали темпам создания средств существования и уровню производительных сил общества. Это несоответствие возможно было в таком строе, где вместо хозяйственных принципов *do ut des* и *do ut facias* преобладал принцип *dominium*.

Античная культура ложилась тяжким бременем на трудящихся. Римская империя жила «не по карману». Отсюда понятно, почему протест против рабовладельческого строя в народных движениях направлялся

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

не только против института рабства, но принял характер тотального отрицания всей античной культуры. Так, в первоначальном христианстве отвергалось все — как рабство, так и роскошь, и ученость, и искусство. В противовес идеям эпикуреизма верхушки общества в массах стали утверждаться идеалы воздержания, аскетизма, мирские наслаждения предавались проклятию; получили распространение идеи греховности мира, идеи эсхатологии. Прямолинейное отрицание всего общественного строя стало исходным пунктом христианства как движения. Но если отрицание выражалось ясно, то позитивные цели движения оказались расплывчатыми. Говорили о любви и братстве людей, выступали против имущественного неравенства, но все это являлось негативным элементом идеологии.

Каким же должно быть новое общественное устройство, оставалось неясным, особенно при таких положениях, как «кто не работает, тот пусть и не ест!» или же распределение *καθὼς χρειαί* («по потребности»).

Эсхатологические чаяния в дальнейшем уступали место сотериологии, движение превращалось в массовую организацию. Цели движения воплощались в богооткровенную доктрину, в принятии которой осуществлялось и обновление мира, и спасение личности. Социальное движение протеста фактически заменялось борьбой за доктрину. И борьба против «старого», и введение «нового» сделались достоянием церкви, как борьба против язычества с его философией и мировоззрением. Использование же достижений прошлого в культуре и науке стало ограничиваться только теми элементами античной культуры, которые не шли вразрез, а наоборот, могли способствовать защите христианской доктрины. Все достижения использовались только в свете христианского учения; новое, за которое велась борьба, — это проникновение христианства во все поры общественной и личной жизни. Поскольку христианская доктрина была расплывчатая, церковь, умевшая приспособливаться, ограничивалась освящением в основном только того нового, что выдвигалось жизнью в интересах господствующих классов.

Теперь рассмотрим, как развивались те элементы нового способа производства, которые обнаруживались в империи уже в IV—V вв.: единоличное хозяйствование с помощью собственных средств производства, сеньориальная эксплуатация. Как развивалось крупное землевладение, основанное на мелком производстве? Прогрессировал ли колонат как характерный институт эксплуатации мелкого самостоятельного хозяйства крестьянина, уплачивавшего ренту крупному землевладельцу? На первый взгляд, произошло нечто парадоксальное: те институты, те тенденции, которые действительно приводили к «новому», не только не воспринимались, а сходились с авансцены общественной жизни, причем в законодательстве отмечалась борьба против таких институтов, как патронат, оказывалось покровительство митрокомии.

В IV—VI вв. перейти сразу же в полной мере к феодальному способу производства было невозможно. Позднеантичная цивилизация, как мы видели, была слишком непосильной для трудовых масс. К тому же эпоха великого переселения народов создавала «военную экономику» в стране с добавочными налоговыми обложениями, с реквизициями, грабежами. Все это делало невыносимо тяжелыми условия жизни крестьян. Они разбегались из-за непосильных тягот и постоянных войн, у них пропал стимул к интенсивному ведению хозяйства. Могли ли быть рентабельны сеньориальные формы эксплуатации, когда крестьянство было доведено до нищеты, измучено, хозяйственно дезориентировано? Между тем рента предполагала самостоятельное ведение крестьянского хозяйства. Поэтому для укрепления феодальных производственных отношений необходимо было поднять крестьянское хозяйство. Эта перестройка длилась около трех-четырех столетий и припала на так называемый «дофеодальный

период»⁷. Специфика Запада состояла в том, что тогда отсутствовали централизованные государства: усиливалась частная власть, укреплялись местные обычаи, «кутумы», складывалась феодальная иерархия.

Таким образом, налицо разные формы процесса феодализации — в Византии, стране с централизованным управлением, и в этнически, политически и экономически раздробленной Западной Европе. Феодальный способ производства развивался и в централизованных и в раздробленных странах параллельно. Классическим же — благодаря более полной преемственной связи с античностью — можно считать, на наш взгляд, путь развития феодализма в Византии.

Что же касается города, то процесс его формализации начался в Византии, как нам кажется, уже с IV в. Античные коллегии стали принимать производственный характер. Сохраненные от античности секреты ремесленного производства обусловили высокий уровень техники. Отцы церкви VI в. неоднократно восхищались искусством кораблестроения, украшенными рисунками цветными тканями, различного рода механизмами. Город стал центром свободного ремесла⁸ с сильными тенденциями к утверждению монопольных прав ремесленных объединений. Законы Льва I и Зенона говорят о наличии столь развитых тенденций такого рода, что правительству приходилось принимать экстренные меры против подобных «монополий». В конце IX в. в Византии раньше, чем где-либо, правительство сознательно покровительствовало ремесленным, промысловым и торговым объединениям. Византийские корпорации, подобно западным цехам, были союзами владельцев *эргастриев*. Состав объединений в разных странах был различен — в зависимости от характера клиентуры. Там, где был устойчивый сбыт ремесленных изделий, как в Западной Европе, цехи на длительное время принимали для обучения подмастерьев и учеников. Там же, где конъюнктура была очень неустойчивой, как в Константинополе, где она зависела от интенсивности международных торговых связей, там вместо подмастерьев, тесно связанных с цехом, нанимались мистии на небольшой срок.

Поскольку в феодальной деревне в основном преобладало натуральное хозяйство, роль средневекового города, особенно в раннее средневековье, заключалась в том, чтобы продукт этого хозяйства превращался в товар. Город становился центром развития товарного обращения, средоточием материальной и духовной культуры.

* * *

Позднеантичный мир политически объединяла абсолютная монархия. Религия — язычество — фактически находилась уже в стадии разложения, и эпикурейцы — Лукреций и Лукиан — сумели дискредитировать политеизм, на смену которому пришло обожествление цезарей. Гражданские же отношения регулировались римским правом. С перенесением центра на Восток начался новый период развития и императорской власти, и римского права («вульгаризация»).

На эволюцию права оказывали постоянное воздействие изменения как в сфере социально-экономической жизни, так и в сфере идеологии. Христианство долгое время стояло в стороне от римского права, стремясь создать свои нормы быта и свое церковно-общинное судопроизводство. Но уже в III в. христианство отбрасывает целый ряд экстремистских положений, а в IV в. намечается подлинный союз двух доктрин — римского права и христианства. Руководивший христианским движением епископат сумел найти связь с правящей прослойкой, смог согласовать

⁷ См. М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период в Византии. — АДСВ, VIII, стр. 3 сл.

⁸ Liban, XI, 258.

христианскую мораль с нормами римского права. Тем самым он способствовал превращению христианства в силу, которая фактически получила в свои руки возможность монопольно, при полном содействии гражданской власти заняться перевоспитанием масс в духе христианской доктрины.

Но христианская доктрина требовала еще в значительной степени уточнения формулировок, особенно в связи с новым господствующим положением церкви. Оформление доктрины длилось до середины IX в. Не столько вера в бога и благочестие, сколько полное признание всех положений христианской доктрины считалось спасительным для души, благополучием для личности и государства. Таким оформлением доктрины, которая являлась обязательной в государстве, занимались церковная верхушка и правительство. Творцы доктрины разрабатывали ее наукообразно; в сфере вероучения они не оставляли места народной идеологии и с нескрываемым презрением относились к народным массам. Уже в ветхозаветных книгах неоднократно пастырь противопоставлялся овцам. Особенно четко это противопоставление проводилось христианской элитой — епископами, богословами: «Паси овцы моя!» Когда Златоуст вернулся после первой ссылки по настоянию народных масс в Константинополь, он в проповеди торжественно говорил: «Овцы без пастыря сами постояли за правду!» И никому не казалось обидным такое сравнение! Народ — послушное стадо. Он не имеет права выдвигать свои положения веры: «Почто мниши себя пастырем, будучи овцою?» Пастырь должен учить. Известно изречение Тертуллиана: *populus non sequendus, sed docendus est*, т. е. «за народом не нужно следовать, народ нужно воспитывать!» Общественная мысль, поставленная под контроль церкви, сделалась ее монополией. Вся жизнь страны включалась в рамки доктрины.

Христианство нуждалось в единстве. Но как раз в период окончательного оформления доктрины не было единства в верхушке христианских доктринеров, мелочных, гордых тем, что именно они действуют под влиянием божественного откровения, нетерпимых к любой поправке, любой оригинальной мысли. Споры шли о том, как понимать истину, в чем основа учения и как бороться за его чистоту против всяких извращений? Доктрина «символ веры», христологические термины выдвигались, естественно, не народными массами, а богословами, но за массами оставалось право принять или отвергнуть ту или иную доктрину. Началась демагогическая борьба за массы.

Вожди христианства понимали, какую мощную материальную силу представляет доктрина, овладевшая массами, какую страшную взрывчатую силу представляют брошенные в массы слова. Период византийской истории с IV до середины IX в. — это период демагогии как со стороны императорской власти, так и со стороны духовенства. Античная демократия давно исчезла. Полисно-муниципальное самоуправление создавало иллюзию частичной демократии. Правда, эта демократия не давала возможности широких выступлений, а была локально ограничена. Стремясь приобрести влияние в борьбе против городской верхушки, обиженной тем, что власть в городах передана чиновникам, Константин ввел так называемые «возгласы» (*acclamations*), которые дали массам возможность, главным образом во время цирковых представлений, восхвалять или порицать правителя. Само собой разумеется, эти *acclamations* включали некоторые конкретные требования (протесты против дороговизны, нехватки продуктов питания, за что отвечала местная курия). «Возгласы» фактически сводили на нет муниципальное самоуправление и власть городской знати. Не случайно Либаний придавал им большое значение, подчеркивая, что они обычно организовывались правителем.

Но в гораздо более широких масштабах подобная «демократическая» политика проводилась церковью. В пору нелегального существования,

христиане создавали общины, заботясь о том, чтобы как можно резче отмежевываясь от язычников. Примитивные общины потребительского характера по мере распространения христианства превращались в церковные приходы (впервые в Александрии — «лавы»). А в период христологических споров, когда создавалась прочная христианская доктрина в приходах решалась судьба той или иной формулировки вероучения. Епископы умели нащупывать в приходах связь с определенными прослойками населения, увязывать нюансы доктрины с интересами определенных владельческих групп и широкими слоями городского населения.

Мы не можем недооценивать эту «демократию», которой народные (в основном городские) массы пользовались в IV—IX вв. От организованных по приходам масс зависело, кандидат какого направления получит кафедру местного епископа. Сочувствуя тому или иному богословскому тезису, массы фактически могли критически относиться и к правительству. Так или иначе, желая иметь поддержку в массах, правительство вынуждено было иногда удовлетворять ходатайство церковников по некоторым вопросам гражданского порядка. Самый факт, что от народных масс зависело, победит ли то или другое направление, означал, что приходские массы играли серьезную роль в решении важных государственных проблем. Церковными лозунгами можно было прикрывать направления местной классовой борьбы, сепаратистские цели, определять оппозиционное настроение или же поддерживать правительство.

Повседневно занимаясь воспитанием масс, церковь получила особую власть над правительством, и в результате любой император должен был определять свое отношение к господствующей христианской доктрине. Союз церкви с правительством привел к тому, что основным предназначением императора стало охранять чистоту церковной доктрины. А так как церковь проникла во все поры гражданской жизни, то автократия — абсолютная власть императора — была по существу ограничена. Всякое нарушение доктрины давало возможность церковникам опираться на массы, защищать интересы определенных прослоек знати под флагом охраны чистоты вероучения. Так, даже весьма сдержанные симпатии Анастасия к монофиситам вызвали волнения столичного населения, а четвертый брак Льва VI — тяжелые потрясения в империи.

Доктрина господствовала над всем. Даже там, где можно было получить определенную выгоду, забота о чистоте вероучения превалировала. Когда император Никифор II, чтобы покончить с влиянием ислама, хотел провозгласить священную войну с причислением убитых в этой войне христиан к сонму мучеников, церковь решительно воспротивилась, ссылаясь на церковные догмы. Когда Византия, теснимая турками, находилась на пороге гибели, патриарху Филофею не удалось объявить туркам священную войну. Опираясь на принятые в IV в. догматы, церковь не допустила ценой хотя бы небольшого компромисса союза с западным христианством против турок, сорвала все попытки организовать совместную борьбу против турецких завоевателей: народные массы, воспитанные в духе борьбы за чистоту вероучения, не шли ни на какие уступки. Подобное воздействие доктрины на все сферы жизни и политики, однообразный характер идеологической мысли сделали общественный строй Византии удивительно устойчивым, но не допускали никакого самостоятельного мышления. В православии сконцентрировались и борьба с пережитками старого общества (язычество), и освоение античных достижений, оно же освещало новые общественные институты. А поскольку христианская доктрина, хоть и в трансформированном виде, была связана с античным миропониманием, связь с античностью в Византии никогда не ослабевала.

Сохраняя элементы античной учености, византийская общественная мысль была пронизана гордым самосознанием. Характерное для византийцев презрительное отношение к варварам распространилось и на хри-

стианский Запад. И возник удивительный синтез: соединение канонов вселенских соборов и римского права, мучеников житий святых и Гомера, гомилий и риторики породило типичных византийцев — Григория Нисского и Юстиниана, Фотия и Константина Багрянородного, Пселла и Метохита, Евстафия Фессалоникийского и Никиту Хониата. Культура и политические идеи древности, трансформированные христианством, увязывались с новым способом производства. Византия представляла собой единство противоречий: большой континент — Малая Азия, несколько неудобный для внутренних связей из-за отсутствия широких рек, плоскогорье, очень выгодное для скотоводства; Балканы, пригодные для возделывания зерновых культур, виноградариков, горного дела, и с их исключительно удобной для морской торговли извилистой береговой линией со множеством торговых приморских городов. Все это создавало благоприятные условия для объединения страны на основе политической и культурной централизации. Сознание величия прошлого приводило к его идеализации. Задачей императорской власти стала не только защита чистоты православия, но и соблюдение старинных обычаев управления государством τῶν παλαιῶν ἔθων πολιτεύματος τήρησις. Так, Зонара хвалит Алексея Комнина за его решительные мероприятия против павликиан, но порицает за пренебрежительное отношение к старинным обычаям.

Все произведения общественной мысли в Византии отличаются дидактическим характером. Их авторы ставят своей целью воспитывать общество в духе православия. В VI в. дьякон Агапит написал трактат об обязанностях царя и подданных в условиях неограниченной монархии. Литературный стиль этого произведения искусственно сохранял старинные выражения; говорить «по аттически» считалось высшей похвалой.

Соединение христианства с античной мифологией особенно проявилось в риторике. О каждом явлении было принято говорить в тех же выражениях, в каких говорили и писали прежде. Письма составляли по сборникам образцов на манер писем древних авторитетов. Подобно тому, как дикая маслина благодаря прививке преобразуется в садовую, византийцы, интерпретируя древних мыслителей в духе христианской доктрины, пытались «облагородить» античную философию, а в этом, по словам Феодора II Ласкариса, видели прогресс.

Сложнее всего обстояло дело с изобразительным искусством. Ярость христианских фанатиков обрушивалась прежде всего на изображения богов и мифологических сцен. Изменить сюжеты и в то же время сохранить античный реализм было трудно в условиях борьбы против язычества. В античных изображениях богов было слишком мало божественного и слишком много обыденного, человеческого, чтобы вызвать у верующих религиозные эмоции. Однако окончательное оформление христианской доктрины требовало, чтобы искусство полностью подчинилось ей. Победа церкви в конце концов выразилась в признании важной роли иконы в воспитании в народных массах религиозных чувств.

Священное писание, труды отцов церкви, решения соборов считались непререкаемой истиной. С другой стороны, считая себя наследниками эллинской мудрости, византийцы, полагали, что они, как носители высочайшей культуры, могут презрительно относиться к остальному миру. Это порождало самоуверенность, самовлюбленность, исключало какое-либо критическое отношение к основам мирозерцания. Если на Западе Блаженный Августин создал теорию, противопоставлявшую человеческое государство государству божьему, то в Византии такого противопоставления не существовало: император рассматривался как наместник бога, а государство — от бога. На Западе критическое отношение к светскому государству проникло в папскую курию. Острая критика светской власти порождала иногда идеи о суверенитете народа над государем и праве народа выступать против деспотов. Это была принципиальная

критика, тогда как в Византии критике подвергались лишь императоры еретики, нарушавшие чистоту христианского учения, вводившие новшества подрывавшие старинные устои.

* * *

Мы вплотную подошли к вопросу о том, как могло случиться, что Византия, которая стремилась сохранить многие достижения прошлого, которая была родиной нового, типичного для средневековья мировоззрения, Византия, в недрах которой уже созревали элементы феодального способа производства, особенно в городе, где достигнуты были немалые успехи в ремесле, торговле, финансовом деле, где существовала относительно высокая степень грамотности населения и передовое гражданское право, — эта Византия стала отставать от Запада, сохранявшего многочисленные пережитки архистаринного прошлого, утратившего основные достижения античного мира, от Запада, где долгое время не только народные массы, но и знать были неграмотными.

Не сразу и не во всем Византия начала отставать от Западной Европы. Нет такого определенного момента, который следовало бы считать переломным. В основном Византия развивалась закономерно, так же как и Запад. Речь шла только о темпах развития, а они зависели от разных факторов, от общей исторической обстановки, от случайностей, которые иногда оказывали значительное влияние на направление общественного развития. Мы не можем сказать, что Византия до начала XI в. отставала в чем-либо от Запада. Наоборот, катастрофа, постигшая в середине V в. Запад, углубила культурный разрыв между Византией, сумевшей стабилизировать положение, и полностью разгромленной западной половиной Римской империи. Однако крестьянство в Византии IV — VI вв. подвергалось жестокой эксплуатации и нищало. Византийские императоры в какой-то степени сознавали это и стремились поддержать свободную крестьянскую общину — митрокомью. Одновременно уменьшалось число лиц непроизводственных профессий. Византийское правительство разгромило просветительский центр в Александрии и городские школы. Первый серьезный кризис в поступательном развитии Византии произошел в VII в., когда империи пришлось защищаться от новой волны великого переселения народов.

Этот поток шел уже не через Европу, а из глубин Азии и затронул Переднюю Азию и Персидское государство. Борьба Персии с Византией осложнилась вмешательством Западнотюркского каганата, уйгуров и войнами в Китае. Ожесточенные столкновения Византии и Персии из-за торговых путей переплелись с нападениями тюрков на персов, аваров на Византию, с событиями в Центральной Азии и в Китае. Л. Н. Гумилев назвал эти события «мировой войной VII в.»

Внутренний кризис и напряженная внешняя обстановка привели одновременно к гражданской войне в Византии и двустороннему натиску славян и аваров — с северо-запада, персов — с востока.

Классовая борьба, засвидетельствованная немногочисленными, но выразительными источниками (доктрина Якова, Чудеса Димитрия) была ожесточенной и привела к страшным опустошениям и прорыву оборонительной линии на Дунае. Падение режима Фоки не облегчило ситуацию. Благодаря ослаблению сторон Аравия, не участвовавшая в военных действиях, получила возможность политически объединиться и повести стремительное наступление на Византию и Иран. Византия утратила положение самой могущественной средиземноморской державы. Она лишилась некоторых торговых путей, привычные доходы из Сирии и Египта перестали поступать в имперскую казну. Не могло быть и речи о сохранении прежней пышности и великолепия. Пришлось отказаться

в какой-то мере и от той цивилизации, бремя которой уже не в силах были нести массы.

Границы империи долгое время оставались открытыми, вести крупное хозяйство стало почти невозможно. Система простасии рухнула, и из-за отсутствия патронов патронируемые общины стали свободными. Укрепление хозяйственной деятельности крестьян теперь все больше становилось реальным. Свободная митрокомия стала основой сельского хозяйства — ценой значительного упадка городов. Даже в Константинополе долгое время не могли отремонтировать водопровод. Создается впечатление, что византийское общество второй половины VII в. поражено каким-то культурно-политическим шоком.

Сопротивление народных масс завоевателям стихийно привело к организации фемного строя, при котором крестьянин сделался воином, а крестьянское хозяйство — материальной основой армии. Состоятельный крестьянин, став стратиотом, превратился в привилегированное лицо.

В идеологической жизни Византии страшный удар по авторитету империи заставил церковь и правительство усилить охрану чистоты христианского учения, особенно когда христианство столкнулось с исламом.

Ненависть же к культуре господствующих классов нашла свое классическое выражение в движении павликиан, которые считали творением дьявола все атрибуты богатства, всю культуру, основанную на гнете трудящихся. Протест против церковных сокровищ (*res sacrae*) и внешний, обрядовой красоты мы видим и в иконоборчестве. Для «оздоровления» общества того времени считали необходимым уменьшить число лиц непроизводительных профессий. Это нашло свое выражение и в закрытии иконоборцами патриаршей школы, и в борьбе с бродячим монашеством, и в мероприятиях иконоборцев против монахов, и в сокращении монастырей, и в стремлении Феодора Студита превратить монастыри в трудовые коммуны.

Кроме того, обострилась борьба за чистоту учения. Обе стороны — иконоборцы и иконопочитатели — одинаково считали свое вероучение последовательно-православным.

Когда крестьянство в период преобладания свободной общины окрепло (в Константинополе наблюдалось даже изобилие продуктов питания, привозимых из деревни), когда стала развиваться новая провинциальная знать, отрицание павликианами античной культуры казалось уже экстремизмом, который только заставил иконоборцев капитулировать перед городской знатью, сохранявшей традиции античной культуры. Эпоха иконоборчества носила двойственный характер: с одной стороны, это темные века, когда ослабло внимание к достижениям античного мира; с другой стороны, это время плодотворного воздействия восточных влияний. Разгром Византии арабами, создание ими мощного халифата подрывали самомнение византийцев — началось использование восточной культуры, тем более что сирийское и александрийское ремесло арабами не было уничтожено, а продолжало развиваться, обогащаясь благодаря прямым связям с Восточной Азией, — откуда были заимствованы как новые виды производства (бумага), так и ряд достижений науки (цифры).

В условиях иконоборчества декоративное искусство как бы заполняло создавшийся вакуум. Ислам, не допуская скульптуры и ограничивавший живопись миниатюрами в книгах, определял прикладной характер искусства. Но подобное отрицание античного наследия с его антропоморфизмом не могло иметь успеха в Византии. Византийское искусство лишь в одном сделало уступку иконоборцам — оно отказалось от скульптуры, что в дальнейшем затруднило победу реализма в византийском искусстве. Скульптура холодна, дает меньше эмоций; со своей реально выраженной пространственностью она почти несовместима с мистикой, которая после победы иконопочитания все глубже проникала в Византию, отставшую

от Запада, где живопись и скульптура оказались под эгидой католической церкви. Для византийской культуры отказ от скульптуры — одного из величайших достижений античного искусства — явился серьезной потерей.

С укреплением деревни в Византии учение павликиан потеряло влияние в массах, и павликианство сошло со сцены. После социально-экономической стабилизации византийского государства в середине IX в. начинается восстановление культурных достижений прошлого: организуется высшая школа, усиленно изучаются произведения античных авторов, происходит рецепция римского права, создаются энциклопедии, сборники, словари.

В то же время церковь укрепляет и систематизирует обрядово-бытовую сторону религии: православные приходы теперь забывают догматические споры, церковное воспитание в основном обращает внимание на обрядовую сторону — литургику; поклонение святым получает календарное распределение, гомилии теряют свое значение.

Богословские споры уже не касались деревни. Доктрина стала массовой традицией, поскольку богослужение в Византии можно было проводить и на своем языке с некоторой примесью греческих выражений. Середина IX в. — середина XI в. — время наибольшего культурно-политического влияния Византии как на Западе, так и на Востоке, в славянских странах.

В Византии ядро правящего класса не составляли завоеватели из одного племени, как на Западе. Там господство франков, лангобардов или готов основано было на тесной спайке завоевателей, которые, присоединив к себе остатки римской знати, образовали новый класс эксплуататоров. Эта связь стала принимать форму феодальной иерархии. В Византии же угнетение трудящихся осуществляла бюрократия, которая в X в. достигла особенного развития. В Византии не существовало потомственных привилегий для знати — в ряды правящей бюрократии могли попасть люди любого происхождения. Ценились личное богатство и образованность, которая необходима была чиновникам. Естественно, знатные семьи стремились дать детям как общее, широкое образование, так и специальное — юридическое, медицинское, богословско-философское. Поэтому в своей «Тактике» Лев VI, подчеркивая, что любой способный человек может занять командную должность в армии, тем не менее советовал все же назначать полководцев из знатных семейств.

Военное дело, являвшееся при феодальном строе достоянием всего народа, также подчинялось бюрократическому порядку — в смысле вооружения, создания укреплений, военных дорог, кораблей и т. д. Но к X в. налицо признаки отставания Византии именно в военном деле. Византийское военное искусство стало книжным делом, в сочинениях авторов прошлого искали секреты военных побед. Никогда не имевшие военной практики, Лев VI или Михаил Пселл оказывались учителями военного дела, получив военные знания из трудов античных авторов по стратегии и тактике. Этот книжно-бюрократический характер военного дела отчасти и привел в X в. к отставанию от Западной Европы.

В «Книге церемоний» описывается централизованный порядок постройки и вооружения боевых кораблей: все осуществлялось с помощью системы подрядов и оплаты труда ремесленников. Подобным же образом производились и строительство укреплений. А на Западе, где, по «варварской» традиции, война считалась профессией-промыслом, любой более или менее состоятельный землевладелец сам с помощью зависимых людей, без участия бюрократии строил себе замок. Подготовка к войне, военное обучение, снаряжение являлись его частным делом. Фактически это была более упрощенная, беззастенчивая эксплуатация зависимого населения; крестьянство быстрее и более жестоко закабалялось на Западе, чем в Византии.

Отсталость в военном деле византийцы почувствовали в своих итальянских владениях уже в IX в. Катастрофическое отставание византийской армии от западных рыцарских дружин византийцы признали уже в XII в., особенно при Мануиле Комнине, который понимал, что византийцы не выдержат борьбы против объединенных западных рыцарей. Это определило поворот к «западнической» политике. В Византии стали вводить западные обычаи, ценить европейских авантюристов, привлекаемых на военную службу и к тому же использовавшихся для подавления народных масс. Континентальная борьба за расширение границ, т. е. за создание крупных владений магнатов, с конца X в. и в первой половине XI в. отвлекла внимание от постройки флота. Отставание же в морском деле привело к тому, что Византия начала утрачивать свою важнейшую роль посредника между Востоком и Западом — эта функция перешла к итальянцам.

При изучении причин отставания Византии следует остановиться и на внешних факторах.

Характерной чертой византийской истории была внезапность наиболее опасных войн, связанных с появлением новых племен. Феодалы, локальные войны в Европе не грозили полным уничтожением населения — менялись лишь владельцы замков и личности сеньоров, а иногда (как в войнах Англии и Франции) только верховный сеньор. К гибели культуры или крутой ломке общественного строя такие войны не вели.

Совсем иначе обстояло дело в Византии, которой грозили внешние враги с севера и особенно с востока. На смену арабам пришли турки, сельджуки и османы. Их нашествия грозили самому существованию византийского государства, они несли с собой истребление мужского населения, порабощение женщин и детей, коренные этнические перемены. В Византии такая угроза существовала с конца IV в. до второй трети V в. включительно, с VII до середины VIII в., с середины XI в. до конца империи. Иными словами, Византия нуждалась постоянно в развитии военной экономики, тогда как на Западе таких нашествий племен начиная с середины VIII в. не было (за исключением восточной части Западной Европы, куда вторгались венгры и татаро-монголы). Понятно, что в подобных условиях в Византии существовал все время повышенный налог, возникали трудности в организации товарного обращения, разорялось крестьянство, да и господствующий класс так или иначе ощущал на себе тяготы этой военной экономики.

Манцикерт стал настоящей трагедией для Византии. Это внешнеполитическое событие сыграло решающую роль и для внутренней истории, совершенно изменив соотношение сил между классами; более сильное свободное крестьянство Малой Азии было ослаблено отторжением от Византии восточной части полуострова. Торговые пути с Востоком пришли в упадок. Закавказье было потеряно. Византия стала при Комнинах греко-славянским государством, а не греко-кавказским.

После Манцикерта не менее роковым для дальнейших судеб Византии стал май 1082 г., когда император Алексей Комнин купил венецианскую помощь в ущерб византийскому ремеслу и торговле. Даровав Италии беспрецедентные в истории Византии привилегии иностранцам, империя стала своего рода хинтерландом Италии. Укрепление связей с итальянскими городами, безусловно, оживило сбыт туда византийского сырья. Это было выгодно земледельцам и компрадорской прослойке городов, оживившейся в XII в. Но при этом утрачивалась самостоятельность в сфере производства, которое в основном переходит в руки венецианцев и генуэзцев. Существовавшее в Византии регулирование ремесленного производства и торговли было выгодно корпорациям: оно давало им монополию в том или ином виде производства, привилегии в отношениях с иностранцами. Подъем экономики провинциальных горо-

дов не был длителен: города переходили в руки землевладельческой знати и к концу XII в. этот процесс в основном завершился.

События 1204 г. явились прямым следствием политики 1082 г. Отдав венецианцам господство над экономикой страны, Византия уже не могла отнять у них привилегии.

Крестоносные завоеватели Константинополя в 1204 г. не сумели захватить в свои руки экономику страны, и латинские государства фактически не смогли придать блеска балканским территориям. Поскольку византийское общество все-таки оставалось значительно более образованным, чем завоеватели, то в сфере развития науки и общественно-политической мысли Византии ничего не могла от них получить. Только в Никейской империи византийский народ в последний раз попытался использовать культурные традиции для обновления разложившегося при Комнинах и Ангелах общества. Основная задача внутренней политики Никейской империи состояла в том, чтобы изъять экономику из рук итальянцев не путем военного конфликта, а благодаря развитию собственного производства, при социальной опоре на мелких собственников. Необходимо было также возродить самосознание общества и укрепить пришедшую в упадок образованность. Никейские императоры были реалистически мыслящими политиками. Чувство реальности отличает как политику, так и религиозные и философские воззрения того времени. Однако в общем направлении развития византийской культуры не произошло существенных сдвигов. Доктрина православия по-прежнему возвышалась над всем. И у Никифора Влеммида, и даже у самого Феодора II Ласкариса видно, как теоретическую мысль сковывала боязнь запятнать христианское учение. Можно думать, что это отразилось и на так называемом Палеологовском ренессансе, ознаменовавшемся необычайным взлетом в искусстве. Реалистические тенденции лимитировались стремлением не нарушать чистоту учения, не отходить от внешне-обрядовой, эмоциональной, с мистическим налетом традиции в искусстве. После перехода Константинополя в руки византийцев при Михаиле VIII идея чистоты православия подверглась пересмотру. Михаил VIII, Георгий Акрополит и Иоанн Векк пошли на компромисс с папой во имя возвышения и укрепления империи — шаг, неслыханный в истории Византии. Однако суровое правление Михаила было непопулярно, и народные массы и клир фанатично вступились за чистоту вероучения. Ненависть к засилью венецианцев и генуэзцев подогревала эту борьбу, не давая правительству возможности маневрировать во внешней политике.

В XIV в. передовые люди византийского общества уже понимали, что отстают от Запада не только в военном и морском деле, в торговле и производстве, но даже и разработке богословских доктрин, которые на Западе аргументировались более основательно; западные богословы более смело подходили к широким проблемам. Приходилось учиться у Фомы Аквинского — появились переводы его труда. Слабее было арабское влияние. Хотя византийцы оставались непосредственными соседями арабов, однако, если не считать медицинских книг, труды арабских философов не оказали на византийцев такого воздействия, как на ученых Запада. «Классицизм» в Византии в XIV в. стал еще более ощутимым — он оставался там интеллектуальной силой до тех пор, пока Запад не овладел полностью достижениями античного мира.

После Мириокефалона Византия стала страной, население которой было исключительно греческим. Это совсем изменило сущность Византии как государства. В римском праве *cives romanus* не зависел от национального происхождения. Византия — греческое государство — не считало себя греческой империей. И это безусловно снижало силу национального сопротивления внешним врагам. Самое слово «эллинский» употреблялось как архаизм. Эллинский патриотизм должен был проявиться особенно в

годы смертельной опасности для греческой народности, но универсализм римских традиций смягчал эти тенденции.

Критический дух и творческая оригинальная мысль развивались на Западе в различных сферах духовной жизни. Юристы Запада, принимавшие Юстинианов кодекс, — легисты — спорили с февдистами, номиналисты — с реалистами, сторонники папской власти — со сторонниками императорской власти. В Византии же философы по-прежнему занимались спором Аристотеля с Платоном, не делая каких-либо выводов. Трудно было изменить внутреннюю политику и в последний век существования Византии, традиционализм не допускал крупных поворотов. Это особенно проявилось, когда Апокавк, патриарх Иоанн Калека и Анна Савойская пытались найти союзников среди городского населения.

Противники реформ Апокавка стали опираться на исихазм, чтобы сохранить в неприкосновенности существующий строй. По В. И. Ленину, неподвижность народных масс позволяет удержаться отсталой политической власти⁹. Исихазм своей мистикой добивался именно полной пассивности масс. От нее в момент грозной опасности выиграли только турки. Их наступление имело целью в первую очередь разгромить славянские государства на Балканах, чтобы тем самым отгородить Византию от Запада и потом добыть ее. Этот стратегический план турок фактически поддерживали исихасты. Всякая связь с Западом предавалась анафеме со стороны фанатически настроенных масс, в первую очередь монашества. И Византия погибала, в то время как исихасты старались узреть «Фаворский свет» путем «умственной молитвы».

Достаточно вспомнить, какую бескомпромиссную позицию занял Кантакузин, когда турки уже укрепились на Балканском полуострове. Лучше погибнуть, чем поступиться чистотой учения, — таково кредо Кантакузина — свергнутого императора, озлобленного монаха, того самого, который говорил: «Если не мне, то пусть никому!» (Gregoras, III, p. 181).

Совсем иные идеи проповедовал Плифон. Пламенный поклонник античной Греции, эллинизма, он стремился порвать с христианством и возродить подлинного Платона, т. е. вернуться к язычеству, облеченному в форму платонического учения. Но эта борьба за чистоту эллинизма была пустой затеей: путь к прогрессивному мышлению лежал через реформацию церкви. Плифон же практически стоял на позиции той же борьбы за чистоту доктрины, только не христианской, а платоновской.

Подлинное спасение Византии заключалось в ликвидации экономической и культурной отсталости. И Виссарион Никейский совершенно правильно считал, что для этого необходим союз с Западом. Виссарион предлагал приглашать из европейских стран мастеров, чтобы изучить передовые технические приемы. Виссарион по существу призывал отказаться от борьбы за чистоту православия, а также и от бесплодных попыток возродить учение Платона.

В ранний период своей истории Византия добилась расцвета, потому что преодолела главный экономический пережиток — рабство — и сохранила основные достижения античного общества, т. е. то, что необходимо было для перехода к новой формации. Но новое трансформировалось затем в отвлеченную, оторванную от экономического базиса доктрину, борьба за чистоту которой фактически привела к застою мысли. В то же время постоянно действовавшие отрицательные внешнеполитические факторы во многом обусловили гибель Византии.

⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 363.